

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. В больнице для умалишенных

Собрание сочинений в 20 томах. Т. 10.
М.: "Художественная литература", 1970.
OCR Бычков М.Н.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. "ДНЕВНИК ПРОВИНЦИАЛА В ПЕТЕРБУРГЕ" {*}

{* "Дневник провинциала в Петербурге" печатался в "Отечественных записках" за 1872 год. (Прим. М. Е. Салтыкова-Щедрина.)}

<1>

Итак, я опаматовался в больнице для умалишенных...

Когда я проснулся, в окна чуть-чуть брезжил белесоватый свет. В комнате было холодно, голо и неприятно; против кровати, у противоположной стены, стоял диван, покрытый потертой и во многих местах прорванной клеенкой; кроме него, стояло два-три стула и круглый стол. До слуха моего доходил шум голосов и топот беспорядочной беготни, из чего я заключил, что пробуждение больницы находится в полном разгаре. Я бросился к двери, но она была заперта. Напрасно стучал я, напрасно потрясал ручкой замка - никто из проходивших мимо не обращал на меня внимания. Наконец, часов около девяти, послышалось повертывание ключа в замке; дверь отворилась, и в комнату вошел неизвестный мужчина.

- Имею честь рекомендоваться: здешний доктор! - сказал он, подавая мне руку.

- Очень рад, но прежде всего позвольте узнать, где я нахожусь?

- Не считаю нужным скрывать от вас печальную истину: вы находитесь в больнице для умалишенных.

Я чувствовал, как кровь хлынула мне в голову и потом опять отхлынула. Это был "конец", тот таинственный "конец", которого я всегда смутно ожидал и к которому всегда относился с трепетом. Признаюсь, однако ж, я никогда не представлял его себе в этой форме. Я знал, что "конец" придет, что он придет не для меня одного, но и для Прокопа, для Дракиных, Хлобыстовских и других вусе чающих движения воды, но почему-то мне представлялось, что он придет где-нибудь в "закусочном заведении", в Орфеуме, в Эльдorado или в другом каком-нибудь увеселительном приюте, - то есть придет конец, вполне сообразный с характером всего моего прошлого. И вдруг - сумасшедший дом!

- Стало быть... я сумасшедший? - с ужасом вырвалось у меня. - Да; и вы должны знать это. Современная метода лечения такова, что прежде всего сам больной должен энергически помогать врачу в его усилиях. А это может быть достигнуто лишь в том случае, когда больной вполне сознает, в чем заключается его болезнь, и сам всеми зависящими от него средствами устраняет то, - что может содействовать ее развитию.

- Доктор! я не знаю, ни каким образом, ни по какому поводу я попал сюда, но, во всяком случае, считаю долгом протестовать. Я совершенно так же мало сознаю себя умственно поврежденным, как и вы себя. Я протестую-с.

- Да; я знаю, что вы считаете себя здоровым. Я практикую около двадцати лет и не встречал еще ни одного душевнобольного, который не был бы убежден, что он вполне здоров. Это общее правило, из которого составляют исключение только люди, пораженные общей парализией мозговых органов. Одни они не протестуют, и конечно, не протестуют только потому, что даже протеста никакого формулировать не в состоянии.

- Итак, я сумасшедший!.. Это невероятно, но я должен этому верить. Вы, психиатр, удостоверяете меня в том... Прекрасно-с. На чем же, однако, я помешан?

- Я имел только один день, вчерашний, для наблюдений над вами. Вы находитесь в первом периоде помешательства, и потому более или менее близкое выздоровление ваше весьма вероятно. К сожалению (это я говорю в скобках), вы не меланхолик, а маниак. Меланхоликам у нас не житье, а масленица, маниаков же, от времени до времени, приходится запираить в отдельное помещение. Что же касается до предмета вашего помешательства, то это миллион, который будто бы украден у вас после вашей смерти одним из ваших друзей.

- Но ведь это же правда, доктор, что мой миллион украден!

- Разумеется, правда, но правда лишь в том смысле, что в вас довольно твердо сложилось такое убеждение. В сущности, сообразите, однако, какая же это правда! Мы вот стоим здесь и разговариваем, а вы уверяете, что у вас, после вашей смерти, украли миллион!

Я широко раскрыл глаза. В самом деле, что я такое сейчас сказал? Ведь я, так сказать, признал действительность моей смерти! Господи! да неужели же я и впрямь сумасшедший?

- Доктор! Я сказал глупость. Но я сознаю это, поверьте мне. Дело в том, что в последние дни я попался в руки шайки шалопаев, которая целый месяц самым постыдным образом издевалась надо мной. Затем последовало нервное расстройство, я видел сон, и...

- Ну да, ну да. Это всегда так начинается, и я очень рад, что вы довольно ясно сознаете причины, которые привели вас к помешательству. Всякое умопомешательство имеет источником какое-нибудь очень сильное внешнее впечатление, произведенное на мозг (во сне или наяву - это безразлично). Присоедините к этому малокровие, недостаточное действие пищеварительных органов - и в результате непременно получится умопомешательство.

- Но уверяю вас, доктор...

- Я верю вам. Я знаю, что вы убеждены в совершенно нормальном состоянии ваших умственных способностей. Но я желаю бы, для вашей пользы, чтоб вы убедились в противном. Ибо, как я уже сказал, только тогда наше лечение может иметь надлежащий успех, когда вы сами будете помогать ему со всею энергией, какая находится в вашем распоряжении.

- Но скажите, по крайней мере, как я сюда попал?

- Вас привез квартальный поручик Хватов. Это прекраснейший молодой человек, вполне современный, и притом питающий к вам искреннейшую привязанность. Он говорил мне, что тут случилась какая-то неприятная политическая история, в которую вы, как человек благонамеренный, посещающий театр Берга, конечно, не могли бы попасть, если б не подверглись временному расстройству умственных способностей.

- Помилуйте! Какая же это "история"! Политический суд... в Отель дю-Нор! Ведь это, наконец, пасквиль! И какое право имеет этот Хватов совать свой нос, где его совсем не спрашивают!

- Как квартальный поручик, господин Хватов имеет право совать свой нос всюду. По крайней мере, так выходит по новейшему учению о децентрализации, которую, впрочем, между нами будь сказано, многие у нас смешивают с централизацией. Но успокойтесь, мой друг! В вашем положении главное - это избежать даже самых малейших волнений. И надеюсь, что вы сами постараетесь усвоить себе эту мысль и не вынудите нас прибегать к ваннам, рукавицам, к одиночному заключению, одним словом, ко всем тем неприятным средствам, которые предписываются нам врачебною наукой, в видах успокоения одержимых недугом, подобным вашему.